

В.В.Боченков

ПОДПОЛЬНАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ТИПОГРАФИЯ ШУВАЛОВА В БОРОВСКЕ

Все известные на сегодня тайные старообрядческие типографии, даже та, что была раскритичена в 1867 г. в Боровске, связаны с медынским краем. Объяснить, почему так, выдвинуть достаточно аргументированные версии трудно. Возможно, что это простое совпадение. Ведь установить количество нелегальных старообрядческих типографий по губернии нельзя по вполне понятной причине: их владельцы действовали в условиях строжайшей конспирации. И до нас дошли сведения только о раскрытых типографиях. Таковых немного - всего 4. Определить точное число типографий не представляется возможным.

Во второй половине XIX в. в Калужской губернии раскрыты были следующие старообрядческие типографии (после порядкового номера следует год, когда нелегальное производство книг было раскрыто):

1. 1881г. Деревня Солопы, типография Мартина Рогачёва и Иосифа Волкова. Первый оштрафован калужским окружным судом на 75 руб., второй (хозяин «типографического» станка) - на 100 руб. и приговорён к аресту при полиции на 5 недель (1).

2. 1885г. Деревня Таракановка, типография Тимофея Клычкова. Осуждён на тюремное заключение, срок не установлен.

3. 1886г. Деревня Филатово, типография Пантелея Степанова. Осуждён на 3 недели ареста при по-

лиции.

Все вышеназванные населённые пункты принадлежали к Медынскому уезду. (О типографиях №1 и №2 автором было рассказано на страницах медынской районной газеты «Заря» 16 июля 1997г.).

4. Типография мещанина Ивана Матвеевича Шувалова, как это наглядно представляет перечень, была самой ранней по своему возникновению: её раскрыли в 1867 г. в Боровске. Родом Шувалов был из упомянутой уже д.Таракановки. Женившись на боровчанке, он переехал в этот старинный уездный город и жил «близ общественных конюшен в доме своей жены» (2).

В 1867 г. от калужского губернатора боровскому уездному исправнику поступило предписание, в котором сообщалось, что в городе существует тайная типография и содержит её некий Воробьёв. Губернатору эти сведения поступили из канцелярии московского обер-полицмейстера. В этом письме говорилось, что, кроме Воробьёва, типографией заведует купец Мешков, и книги из Боровска «рассылаются по разным местам» (3).

Исправник провёл «секретное расследование» и выяснил, что в доме Воробьёва будто лет 5 тому назад действительно была типография, но сейчас она перенесена в какое-то другое место. Губернатору исправник донёс, что за домом Воробьёва установлено наблюдение (4). Любая преждевременность, форсирование

событий - полагал он - может повредить. И, очевидно, был прав.

На содержателя боровской типографии Ивана Шувалова удалось выйти в конце года - если, конечно, это та самая типография, о которой сообщал московский обер-полицеймейстер. 16 декабря* в доме Шувалова был проведён обыск. В нём приняли участие солдаты расквартированной в городе батареи 1-ой резервной артиллерийской бригады, которым предварительно разъяснили, что искать нужно машину для печатания фальшивых денег и книг. В ходе обыска были найдены клей, сухие краски, во дворе в сугробе - мешок, завёрнутый в рогожу. В нём - недавно отпечатанные церковные книги (5).

Когда стали рыть землю в подвале шуваловского дома, наткнулись на доски. Решено было их ломать. Жена Шувалова, понимая, что тайное помещение для типографии обнаружено, попросила не делать этого и сама указала вход в подземелье. Он находился в кухне, где между лежанкой и стеной нужно было поднять одну короткую доску - и открывался лаз. Он вёл в землянку. Размеры её: 5 на 4,5 кв. арш. Освещалась типография лампами. В землянке нашли станок, буквы для набора, сухие краски, медные досочки с узорами для украшения книг, смятые бракованные листы с отпечатанным текстом молитв. Станок пришлось разобрать, иначе нельзя его было вытащить. Начался обыск в час дня, закончился в 9 вечера (6).

На допросе Шувалов, которому было, кстати, всего 26 лет, пояснил, что будучи в Москве у Сухаревой башни, купил у какого-то разносчика псалтырь. Тот предложил

ему печатный станок. Шувалов решил и его купить. На извозчике приехали к тому продавцу домой. Ни имени его, ни адреса Шувалов не назвал, якобы запомнил. Стогравшись с Шуваловым, разносчик привёз машину в Боровск. Вдвоём они вырыли в подвале землянку. Все найденные при обыске книги, листы, литеры Шувалов будто бы купил вместе со станком. Краски принадлежали покойному деду его жены, увлекавшемуся рисованием. Но типографское дело у Шувалова не пошло. «Я думал сам печатать книги, но этого сделать не сумел, и станок стоял без действия, я хотел его продать, но покупателей не было,» - говорил он следователю (7).

В показаниях Шувалова бросается в глаза наивность: купить набор станок, нисколько не разбираясь в печатном деле, ненужные листы и книги в придачу - всё это по меньшей мере странно. А потому логично усомниться в искренности показаний Шувалова. Он явно скрывает причастность к печатанию книг как процессу, всё сводится лишь к намерению их печатать. Раз так, преступления вроде бы и нет, если есть - ответственность другая. И в этом единственный способ защиты Шувалова.

Ни один из свидетелей не подтвердил обвинений против Шувалова. В ходе расследований судебный следователь вышел на жившего в Боровске медынского мещанина Ананию Фомича Воробьёва (уж не того ли самого Воробьёва, о котором сообщал московский обер-полицеймейстер?). 19 декабря и в его доме, предварительно оцепленном полицией и солдатами, был проведён обыск. В доме застали Шувалова, который полчаса назад ушёл с

*Даты указаны по ст. ст.

допроса. Воробьёв был женат на его двоюродной сестре. В Боровске он занимался перепродажей единовременных и синодальных книг. При обыске ничего не нашли, кроме двух книг без обозначения типографии (8). На допросе Воробьёв пояснил, что купил их в Москве у неизвестного разносчика (9).

Следствие проверило широкий круг лиц (в Москве, Боровске, Гжатском уезде Смоленской губернии), подозревавшихся в причастности к делу о типографии Шувалова. Желаемых улик собрать не удалось. Что касается изъятых у Шувалова при обыске книг, они по заключению цензурного комитета Московской духовной академии оказались «обыкновенно раскольнического характера» (10).

Суд над Шуваловым состоялся 15 октября 1869 г. Иван Матвеевич говорил на нём то же, что и на следствии: хотел было печатать книги, но, не умея этого сам, искал мастера, не нашёл, а потому всё это время станок стоял без действия. Свежеотпечатанные листы книг, сами книги, литеры и прочее приобрёл вместе со станком. Из-за отсутствия сведений, молчания обвиняемого и, скорее всего, некоторых свидетелей, мы сейчас не имеем возможности установить, сколько же было отпечатано Шуваловым книг, куда они шли, печатались ли Шуваловым труды старообрядческих апологетов или только книги, используемые при богослужении. И печатались ли они вообще - может, он всё-таки не врёт!

18 октября состоялось вынесение приговора. За открытие типографии и самовольную отлучку из

Боровска после подписки о невыезде Шувалову дали 3 месяца тюрьмы. Заключение можно было избежать, но в этом случае Шувалова надлежало «наказать розгами в размере 45 ударов» (11). Какое наказание выбрал для себя Иван Матвеевич, неизвестно. Да, впрочем, и во всём его деле больше вопросов, чем ответов.

Такова история нелегальной старообрядческой типографии Шувалова - одна из новых страниц в истории старообрядчества боровской земли. Дело Шувалова даёт представление о быте тогдашних боровских старообрядцев (в протоколах обысков описывается интерьер домов), занятиях, о способах ведения уголовного расследования в отношении нелегальных типографий.

К рассказанному можно добавить, что в 1910-х гг. в члены совета медынской старообрядческой общины входили Алексей и Афанасий Ивановичи Шуваловы (12). Может быть, это сыновья И.М.Шувалова и его жены Марии Ивановны Памухиной?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.56. Оп.2. Д.128.
2. ГАКО. Ф.6 Оп.3. Д.169. Л.1об.
3. ГАКО. Ф.32. Оп.1. Д.487. Л.5.
4. Там же. Л.3-3 об.
5. Там же. Ф.6. Оп.3. Д.169. Л.3-4.
6. Там же.
7. Там же. Л.28 об.
8. Там же. Л.13.
9. Там же. Л.30.
10. Там же. Л.81.
11. Там же. Л.141.
12. Там же. Ф.62. Оп.19. Д.2290. Л.13, 44.